

Глава 21

В сгущающихся сумерках тускло мерцали дворцовые фонари. Снаружи внезапно донеслось многоголосье.

— Государь! Ваше Величество, вы живы?!

Чжу Цинчэнь и Император обернулись. К «Дворцу возвращения покоя» торжественной и шумной толпой спешили придворные чиновники в парадных одеждах, сжимая в руках яшмовые таблички.

Впереди всех, утирая слезы, семенили старые наставники.

— Цинчэнь! Сяо Чжу, где ты? Неужто помер?!

— Проклятый князь Цзин! Посмел поднять руку на трон — я кровью своей окроплю эти своды, но не прощу!

Узнав, что генерал, сотрясающий мощью, вернулся и заблокировал Юнъань, все решили, что Государь обречен на смерть от рук брата. А раз наставник Чжу находился при «больном», то и его участь казалась предрешенной.

Однако, ворвавшись в зал, чиновники застыли как вкопанные.

Всюду на полу корчились и стонали мятежники. Кто-то еще хрипел, кто-то просто катался от боли, не в силах подняться. А посреди этого разгрома, целые и невредимые, стояли Чжу Цинчэнь и Император.

— Я еще жив, — отозвался юноша на причитания наставников.

Очевидно, почтенные мужи зря так сильно тревожились.

Лю Ань и Пэй Сюань, шедшие следом за учеными, не в силах сдержать юношеский порыв, поспешили вперед. Они окружили учителя с двух сторон, наперебой спрашивая:

— Наставник, вы не ранены? С вами всё в порядке?

— Со мной всё хорошо.

Цинчэнь послушно убрал меч в ножны и выпрямился. Сам-то он никого не убил — это всё Государь. Цинчэнь лишь создавал шум да подбадривал бойца.

Пэй Сюань понизил голос:

— Старший брат Лю уже готов был вести домашних слуг на штурм дворца, чтобы спасти вас.

Цинчэнь испуганно взглянул на монарха и тут же зажал ученику рот ладонью:

— Молчи! Язык прикуси!

Как можно при Императоре упоминать «штурм дворца частным отрядом»? Государь только что вошел во вкус, убивая изменников — не хватало еще, чтобы он и ученика под горячую руку пустил.

Император бросил на Цинчэня короткий взгляд и, сорвав тяжелую занавесь, принялся неспешно вытирать кровь с рук. В его глазах еще не угасла жажда битвы, и Лю Ань с Пэй Сюанем невольно отступили на шаг, давая учителю больше пространства.

— Где сейчас числятся Первый и Третий эрудиты? — небрежно спросил монарх.

Юноши склонились в поклоне:

— Ваше Величество, мы еще не получили назначений.

— Вот и славно, — Император указал на стонущую кучу тел на полу. — Ступайте в Далисы. Этих людей я вверяю вам. Разберитесь во всем до конца.

Оба молодых человека приняли приказ:

— Слушаемся.

Князь Цзин, скрученный стражниками, бросил на них полный яда взгляд. Вспышка озарения исказила его лицо.

— Пэй Сюань... это ты... это ты забрал то письмо!

Студент промолчал, никак не подтвердив и не опровергнув догадку.

Князь, откуда только силы взялись, рванулся из хватки охраны и подскочил к юноше:

— Как ты посмел?! Я так ценил тебя, ты так мне нравился! Как ты мог предать меня?!

Пэй Сюань нахмурился и посмотрел на него с нескрываемым отвращением:

— Вы заманили меня в поместье обманом — и называете это «нравился»? Вы распускали руки — и это тоже «нравился»? Если бы я не послушал наставника и не укреплял свое тело упражнениями, я бы в тот день оказался под вами, опозоренный и раздавленный. И вы зовете это любовью?!

Не дожидаясь ответа, он холодно бросил страже:

— Уведите его.

Князя потащили прочь, а он продолжал буравить Пэй Сюаня взглядом, полным смертельной ненависти.

В изначальной истории именно в ту ночь Фу Вэньчжоу разрушил будущее Пэй Сюаня на экзаменах, а вместе с ним и всю его жизнь. Теперь же мятежник не только не сумел сломить юношу, но и сам загнал себя в ловушку. Возмездие настигло его быстро.

«Сюжетная линия „гун-шоу“ окончательно развалилась», — вздохнула Система.

«Ну и что? — равнодушно отозвался Чжу Цинчэнь. — Пусть теперь он, как в книжках, прыгает с городской стены, и тогда А-Сюань может устроить ему „крематорий“ в ответ. Наш ученик — главный герой, ему положено немного пострадать и заставить другого искупать вину».

Он на мгновение задумался и нахмурился:

«Хотя постойте... Вряд ли у него хватит духу прыгнуть. Если он даже спрыгнуть боится, какая уж тут любовь?»

«Ай да ты, негодник Чэнь», — Система мысленно показала ему большой палец.

***

Всего за одну ночь князь Цзин и генерал, сотрясающий мощью, были схвачены и брошены в застенки Далисы. Государь лично изъясил у военачальника военные чины и передал их преданному человеку, приказав тому немедленно скакать на границу, чтобы удержать армию от брожения.

К счастью, мятежный брат за годы интриг обзавелся лишь толпой собутыльников. Едва прошел слух о неудаче и аресте, эти «друзья» кинулись наперебой открещиваться от него. Некоторые семьи даже сами связали своих непутевых отпрысков и притащили их к дверям Далисы.

Император не придавал этому значения — флюгера всегда качаются по ветру, большой беды от них не будет. Наказывать их всех до последнего — лишняя трата сил; простить же сейчас — значит обеспечить себе их слезную благодарность в будущем.

Пэй Сюань и Лю Ань, томившиеся без дела после экзамена, теперь с небывалым рвением взялись за работу. Получив полномочия в Далисы и приказ расследовать дело о мятеже, они тут же отправились вслед за конвоем.

Чжу Цинчэнь украдкой зевнул. Молодежь полна энергии, им и ночь напролет работать нипочем, а вот он устал. Пора было ложиться спать. Верни меч Императору, он собрался уходить вместе с остальными чиновниками.

Но Государь остановил его:

— В городе еще беспокойно, сообщники князя могут скрываться в тени. Ты в последнее время был слишком близок ко мне. Оставайся во дворце, пока всё не утихнет. Потом переедешь.

— Слушаюсь, — кивнул наставник Чжу. — Позвольте мне только проводить старых наставников до ворот.

Император протянул ему клинок обратно:

— Возьми. Я разрешаю тебе носить оружие в пределах дворца.

— Благодарю, Ваше Величество.

Прижимая к себе длинный меч, Цинчэнь зашагал по дворцовым дорожкам под руку со старыми учеными. Фонари заливали путь ровным светом.

Юноша хитро прищурился и улыбнулся:

— Мне показалось, или кто-то только что очень жалобно кричал: «Сяо Чжу! Где ты? Неужто помер?!» Интересно, кто из почтенных наставников так за меня переживал?

Старики смутились и стали отворачиваться, махая руками.

— Не я, точно не я! Это, небось, старина Гао — он даже всплакнул.

— Вздор! — возмутился Гао. — Я всегда спокоен как скала. Гора Тайшань рухнет предо мной, а я и бровью не поведу.

— Ага, как же! Когда мы только собирались идти во дворец за новостями, ты вытирал слезы и причитал: «Где еще я найду такого чудесного юного друга? Если он погибнет, с кем мне в храм ходить?» Скажешь, не плакал?!

Цинчэнь расплылся в улыбке:

— Правда?

Гао продолжал упорствовать:

— Ложь! Это мне просто пыль в глаза попала!

Другие ученые рассмеялись:

— Конечно, правда.

Цинчэнь просиял:

— Ну же, расскажите еще! Хочу знать, как сильно вы меня цените!

— А старина Сюй, как услышал, что ты можешь быть мертв, тут же послал за своим бывшим учеником.

— Неужели он важный чиновник? — спросил Цинчэнь.

— Нет, он даос. Умеет варить снадобья для воскрешения. Сюй хотел выкрасть твое тело у князя и вернуть тебя к жизни.

«...»

Чжу Цинчэнь замолчал. Вообще-то, если человека убивают, он обычно умирает насовсем. Затея выглядела сомнительной, но за заботу он был искренне благодарен.

Все считали Императора обреченным, а ситуацию — безнадежной. И всё же эти старики, несмотря на свой возраст, рискнули прийти во дворец ради него.

Цинчэнь ласково приобнял их:

— А другие господа? Они тоже волновались? Неужели я так всем нравлюсь?

Один из наставников сухо бросил:

— Не обольщайся, большинство тебя и в глаза не видели.

Улыбка юноши мгновенно погасла.

— Князь Цзин всегда любил только охоту да развлечения, ничем не лучше нынешнего Государя. Если бы он захватил власть, разве настали бы спокойные времена? — понизив голос, добавил старый ученый. — Наш Император, конечно, тот еще бездельник, но князь Цзин куда хуже. Государь хоть и утопает в песнях да танцах, но советы чиновников слушает, а вот князь...

Они не договорили, но всё было ясно и без слов. Лучший император — мудрый правитель. Второй после него — послушный правитель. Самый плохой — самодовольный упрямец. Мятежник как раз принадлежал к последним, и никто не желал его воцарения.

Цинчэнь втайне усмехнулся.

— К тому же, — продолжал наставник, — история о том, как он запер Пэй Сюаня в своем поместье перед экзаменом, уже известна всем нам.

Цинчэнь вскинул голову:

— Откуда?

— Тот ребенок сам рассказал.

Цинчэнь замер от изумления:

— Он... он сам вам это открыл?!

— Когда чиновники еще колебались, он вышел и прямо сказал: князь Цзин — не мудрый монарх. Он поведал нам о том случае. О таких вещах не шутят. Пэй Сюань добавил: «Если сегодня вы не остановите узурпатора, то завтра он будет избивать вас самих. А послезавтра — затаскивать в свои покои ваших дочерей и сыновей». Только после этих слов господа решились на смертный протест.

Цинчэнь опустил глаза, чувствуя, как в груди шевелится щемящее уважение. О случившемся знали немногие, даже Лю Ань не ведал всей правды. Пэй Сюань был талантливым и гордым студентом, и признаться в таком унижении было невыносимо стыдно. Если бы слухи пошли гулять по столице, его имя навеки связали бы с похотью князя.

Цинчэнь хотел сберечь эту тайну, но юноша сам сорвал покров. У него не было иного выхода: чтобы убедить сановников в порочности князя, он принес в жертву собственную гордость.

Наставники похлопали его по плечу:

— Не бойся, мы сохраним это в тайне.

Цинчэнь проводил их до самых ворот, помог сесть в экипажи и долго смотрел им вслед.

***

Вернувшись в свои покои, Цинчэнь повесил меч у изголовья кровати. После быстрого умывания он растянулся на постели, закинув руки за голову. Сон не шел — слишком много событий вместил в себя этот длинный день.

Система зависла над подушкой:

— У вас тут политические интриги всегда так быстро решаются? Вышел Император с мечом, всех порубил — и готово?

— Это еще не конец, — ответил Цинчэнь. — Арест князя и генерала — лишь первый шаг. Один — принц крови, другой — прославленный воин. Если Государь не найдет веских доказательств их вины и не успокоит их людей, его самого обвинят в расправе над верными слугами и родным братом. Тогда всё, что мы сделали ночью, пойдет прахом. Сейчас начнется самое сложное. Именно поэтому Государь спешно шлет гонцов к армии, а Пэй Сюаню и Лю Аню поручил следствие — они новички, за ними нет старых связей, и никто не обвинит их в пристрастности.

«Хм... — задумалась Система. — Я-то думала, вы годами будете строить планы».

— Годами? — удивился Цинчэнь.

— В романах всегда так! — увлеченно застрекотала Система. — Император годами плетет интриги. Чтобы забрать армию у генерала, он берет его сына в гарем. Хотя и не любит его, но вынужден притворяться, осыпая милостями. Потом, выждав момент, он бросает всю семью в темницу в одну безлунную ночь. Весь гарнизон он муштрует тайно, и в другую темную ночь они окружают поместье князя, хватая его тепленьким. Император получает трон, но навсегда теряет любовь сына генерала... О, мой любимый „крематорий“! Вот это я понимаю — настоящая интрига!

Слушая этот бред, Цинчэнь лишь кривил губы.

— Ты это сама придумала? Ты хоть представляешь, сколько людей в армии и при дворе?

— Не знаю.

— Десятки тысяч. И если хоть один из этих тысяч проболтается — твоей интриге конец.

Система осеклась.

Цинчэнь принялся загибать пальцы:

— О том, что Император притворяется больным, знали только мы двое. Даже Евнуха Яна и лекарей не подпустили. Гвардейцы узнали о приказе за четверть часа до захвата — у них просто не было времени на донос. Вот это — тайный план. А когда о заговоре знают тысячи людей — это уже не заговор, а объявление на рыночной площади.

— К тому же, — продолжал Цинчэнь, — Государь — не жиголо из борделя, чтобы расплачиваться собой за лояльность генерала. Сын того воина — не идиот. Императоры приходят и уходят, а отец у него один. С чего бы ему предавать родную кровь ради чужака на троне?

— Потому что... — Система замялась. — Ну как же... Это же ради любви! В „крематории“ логика не важна, там всё на чувствах!

Цинчэнь усмехнулся:

— Любовь ценой собственной головы? Князь Цзин тоже хорош: Пэй Сюань его судить будет, а он вместо того, чтобы молить о пощаде и во всем признаться, продолжает твердить про свои чувства.

— Ты бесчувственный! Негодник Чэнь, ты совсем не понимаешь, что такое любовь! — возмутилась Система.

Юноша подпер голову рукой и лениво протянул:

— Ошибаешься, я-то как раз понимаю. Любовь — это когда тебе приносят вкусности и игрушки из каждой поездки. Это забота, а не унижение, насилие и спесь.

— Любовь властелина всегда полна преград и трудных решений! — не сдавалась Система. — Ты никогда не был императором, откуда тебе знать?!

Цинчэнь вскинулся:

— Да, я не был императором, но я жил с императором! Когда Ли Юэ отдал мне ключи от

личной казны и позволил брать оттуда что угодно — это была любовь! Когда он отдал мне военные полномочия и половину гвардии Фэнсяна — это была любовь! Когда он возвысил меня над всеми, оставив город на мое попечение — это была любовь! А что у князя к его «возлюбленному»? Сначала сломал ему жизнь, а потом довел до прыжка со стены? Это не любовь государя, это любовь палача!

Чжу Цинчэнь нахмурился:

— Если бы я не знал Ли Юэ, я бы, может, и поверил в ваши сказки. Но настоящий правитель никогда не бывает «беспомощным заложником обстоятельств» в таких делах.

Он замолчал, а потом подозрительно прищурился:

— Послушай, ты вечно придумываешь эти нелепые истории про страдания. Неужели этот роман про „Угрюмого шоу“ — тоже твоих рук дело?

— Да как ты мог такое подумать?! — возмутилась Система. — Я просто читала его!

— Не верю.

Система вспыхнула ярко-красным светом:

— Я просто самую малую капельку влюбчивая! В Бюро есть одна Система, она вся красная — вот она настоящая фанатка таких сюжетов!

— Но ты сейчас тоже красная.

— Это не я!

— Ладно-ладно, я спать.

— Говорю же, не я это! — в ярости Система врубилась на полную громкость «Колыбельную».

Чжу Цинчэнь завернулся в одеяло, перевернулся на бок и через пару секунд уснул сном праведника. Он спал раскинувшись, напоминая маленькую птицу, готовую взлететь.

Глядя на его безмятежное лицо, Система вдруг поняла, почему выбрали именно Чжу Цинчэня. Только тот, кто вырос в окружении подлинной любви, не позволит повести себя на поводу у безумных теорий о «счастливых страданиях».

В это же время во «Дворце возвращения покоя» Император тоже готовился ко сну. Но его

Злодейская Система не играла колыбельных, она вопила на все лады:

— Что ты натворил?! Ты схватил главного героя-гунна! Ты ударил его ножом! Ты заставил главного героя-шоу судить его! Ты в своем уме?!

Император поковырял в ухе, делая вид, что не слышит.

— Я же говорил тебе: ты злодей! Твое дело — сидеть тихо и ждать конца! Теперь сюжет полностью разрушен!

Монарх ответил с непоколебимой логикой:

— Ты же сам сказал, что роль злодея — портить всем жизнь?

— Я имел в виду — портить жизнь Пэй Сюаню, сослав его на границу! — Система запнулась.

— Какая разница? Князь Цзин — тоже главный герой, вот я и испортил ему жизнь, — Император холодно взглянул на мерцающий шар. — Или ты считаешь, что злодею можно обижать только «шоу», а «гунна» нельзя? Это ли не двойные стандарты? Тебе так жаль этого мерзавца?

— Вовсе нет, просто когда начнется «крематорий»...

Император усмехнулся, накрыл Систему тяжелой урной, задвинул ее в угол и перевернулся на другой бок. Настоящий злодей бьет без разбора, и системы — не исключение.

***

Тем временем Пэй Сюань и Лю Ань под покровом ночи доставили преступников в Далисы. И генерал, и князь были ранены, так что допрос пришлось отложить до утра — сначала их должны были осмотреть лекари. Оставив пленников под охраной, юноши с отрядом стражников направились к поместью князя Цзина.

В поместье царил хаос. Слуги, почуяв неладное, пытались бежать с узлами добра, но у каждого выхода и у каждой стены их встречали вооруженные люди. Пути назад не было.

Главные ворота распахнулись, факелы стражников залили двор ярким, тревожным светом. Молодые чиновники в мантиях вошли внутрь. Обитателей поместья согнали во двор.

Лю Ань скомандовал:

— Разделить по десять человек и допросить по отдельности. Тому, кто выдаст ценные сведения, — награда.

— Слушаемся!

Стражники принялись уводить слуг. Лю Ань повернулся к управляющему:

— Ты остаешься. Где кабинет князя?

Дрожащий старик поспешил указать дорогу. Кабинет был огромен и полон бумаг. Пэй Сюань быстро обнаружил тайник, в котором хранились долговые расписки, письма и приходные книги. Друзья решили остаться здесь до рассвета, чтобы изучить каждую находку.

***

Это было их первое серьезное дело, и сразу — заговор против короны. Юноши не смели расслабляться. Улов оказался богатым: они нашли переписку Фу Вэньчжоу с высокопоставленными чиновниками и записи о дорогих подарках, которые сановники слали ему через своих сыновей. Все эти дела проворачивались в тени — на охоте или во время шумных пиров.

Глубокой ночью пришел стражник с докладом:

— Господа наставники, изменник в камере не умолкает. Требуется, чтобы господин Пэй немедленно пришел к нему.

При свете свечи друзья просматривали очередное письмо. Лю Ань сухо бросил:

— Передай ему, что его очередь еще не пришла. Пусть ждет.

— Но... — стражник замялся, — изменник утверждает, что он... что он...

— Кто? Говори прямо.

— Говорит, что он — муж господина Пэй, и требует, чтобы супруг явился к нему...

Не успел он закончить, как Лю Ань с силой грохнул пачкой писем об стол:

— Что за бред?! Он совсем рассудок потерял? Заткните ему рот, чтобы не смел порочить честное имя!

Пэй Сюань поднял голову и накрыл руку друга своей:

— Старший брат, не сердись. — Он повернулся к стражнику: — Сделай, как сказал господин Лю. Заткните ему рот.

— Слушаюсь.

Когда стражник собрался уходить, Лю Ань, всё еще кипя от гнева, поднялся:

— Я сам пойду взгляну на него.

— Уже поздно, — мягко заметил Пэй Сюань. — После того как помотришь на него в камере, возвращайся домой и отдыхай. Сюда можно не возвращаться.

— Хорошо. Ты тоже не засиживайся.

Лю Ань закатал рукава, разминая кисти рук — вид у него был такой, будто он собрался лично проучить наглеца. Когда он ушел, его соратник вернулся к документам.

Пламя свечи дрогнуло. Юноша подпер голову рукой, глаза его постепенно затуманились, а иероглифы на бумаге поплыли. Он провалился в сон.

И в этом сне он увидел себя.

Там он всё еще был юным сыном владельца винной лавки. Он усердно учился, мечтая о чине, чтобы матушка больше не знала нужды. Он зубрил книги день и ночь, прошел через все испытания и готовился к последнему экзамену во дворец.

Но в том сне не было наставника Чжу.

Без учителя никто не правил его статьи, никто не знакомил его с товарищами. Студент был одинок в своем стремлении, метался как слепой котенок, терзаемый страхом перед будущим.

За несколько дней до экзамена мать, переживая, что им далеко добираться, отдала ему все сбережения, чтобы он снял комнату в городе. Он, дрожа от ответственности, обошел несколько постоянных дворов. Оказалось, что накопленных денег не хватит даже на каморку у дровяного сарая.

В том сне Пэй Сюань был слишком забит и робок. Он низко кланялся, извинялся и уходил, не смея поднять глаз. На самом деле никто не смеялся над ним — люди просто констатировали факты. Но он видел во всем лишь собственное ничтожество.

Выходя из очередной гостиницы с поникшей головой, он столкнулся с князем Цзином. Тот расспросил его и предложил приют в своем поместье. Юноша согласился. Фу Вэньчжоу часто покупал вино у их семьи, и студент был полон благодарности. Без советов учителя он не видел разницы между честным покупателем и хищником. Он лишь хотел избавить мать от лишних трат. В тот момент князь казался ему благодетелем.

Так, за ночь до испытания, он оказался в поместье. Вечером он читал в своей комнате, собираясь лечь пораньше. Погасил свечу, и вдруг дверь скрипнула. Не успел он крикнуть, как чьи-то руки обхватили его сзади. В том сне он отчаянно сопротивлялся, но был слаб и быстро оказался прижат к кровати.

Ночь позора.

Тот Пэй Сюань, что наблюдал за сном, знал правду. Даже в темноте он видел — это был Фу Вэньчжоу.

Утром он, преодолевая боль и унижение, поспешил во дворец. Он дописал свою работу, но во время беседы с Императором силы покинули его, и он рухнул в обморок. Государь пришел в ярость. Не глядя на статью, он швырнул ее в лицо юноше и велел страже выслать его на границу.

Падая на пол, несчастный увидел знакомый край мантии. Лю Ань смотрел на него сверху вниз. Заметив следы на его шее, Третий эрудит отшатнулся в ужасе и брезгливости, не веря, что кто-то мог так осквернить дворцовое испытание. Он отошел подальше, не желая больше смотреть на товарища.

Сердце Пэй Сюаня сжалось. В глазах того Лю Аня он был лишь падшим студентом. Он хотел всё объяснить, но не смог вымолвить ни слова. За «неподобающее поведение» его сослали без права попрощаться с матерью.

Мать, получив весть, несколько раз лишалась чувств от горя.

На границе он снова поверил злодею. Поверил, что тот — его спаситель. И даже полюбил его.

Наблюдающий Пэй Сюань видел всё насквозь. Заговорщики давно всё подстроили, и все беды на границе были делом рук князя. Сначала пленника довели до отчаяния, а потом мучитель явился в ореоле милосердия. Разумеется, юноша стал предан ему душой и телом.

Через несколько лет он помогал в мятеже. И в день, когда войска вошли в столицу, до него наконец дошло: человек, разрушивший его жизнь, — это и есть Фу Вэньчжоу!

В том сне он был слишком наивен. В поместье он кричал, звал на помощь, но никто не пришел. Значит, слуги были подкуплены. Кто еще мог сотворить такое в собственном доме, если не

хозяин?

И всё же он продолжал служить. Его снова и снова затаскивали в ту комнату, превращая жизнь в кошмар.

Мятеж удался. Казалось бы, наступил рассвет, но он сошел с ума. Узурпатор решил, что он притворяется, и угрожал его матери. В ночь, когда Фу Вэньчжоу провозгласили императором, Пэй Сюань узнал о смерти матери. Воспользовавшись тем, что стража отвлеклась, он бежал из «золотой клетки», поднялся на городскую стену и шагнул в пустоту.

Свист ветра в ушах.

Пэй Сюань почувствовал облегчение. Смерть была лучше такой жизни. Тиран рыдал над его телом, словно ребенок, потерявший любимую игрушку.

Внезапно юноша услышал странные голоса:

«Гордый Пэй Сюань впервые назвал князя по имени лишь перед смертью».

«Несгибаемый князь впервые заплакал, когда Пэй Сюань был при смерти».

«Какая возвышенная любовь!»

Он замер. О чем они говорят? Какая любовь? Он не понимал.

Но сон не закончился. Он не умер. В тот день выпал глубокий снег, и сугробы смягчили падение. Фу Вэньчжоу держал его на руках и орал на лекарей: «Если не спасете его — все ляжете в могилу вместе с ним!»

Тот же голос поддакивал: «Как властно! Потрясающая любовь! Он так его любит!»

Лекари, спасая собственные жизни, вытащили Пэй Сюаня с того света. Но он превратился в живую куклу. Он не плакал и не смеялся, а в руках мучителя был подобен трупу.

Голос снова возвестил: «Начинается „крематорий“ для князя!»

И этот «крематорий» выглядел так:

Мучитель стоял на одном колене перед его кроватью, сжимал его руку и просил прощения: «А-Сюань, я был неправ. Я не знал, как любить тебя, я просто хотел, чтобы ты был рядом, но выбрал не тот путь».

Тиран велел выставить тело прежнего императора и сказал: «Это он во всем виноват. Это он сослал тебя. Я велел растерзать его тело. Видишь, А-Сюань? Можешь и ты нанести удар».

Потом он показал ему тело Лю Аня: «Я знаю, этот человек всегда задира нос и презирал тебя. Теперь он мертв, я убил его».

Пэй Сюань наконец отреагировал. Он вскочил с постели, не веря своим глазам. При входе врага в город Третий эрудит покончил с собой, оставшись верным долгу. На его шее зияла страшная рана. Юноша бросился к телу друга, пытаясь удержать его, обливаясь слезами.

Убийца обнял его сзади: «А-Сюань, теперь никто не обидит тебя. Все твои враги мертвы».

Хотя все беды пришли от самого Фу Вэньчжоу, он выставил себя непричастным. Почему его не растерзали? Если в мире есть справедливость, почему виновник торжествует?

Тот странный голос нашептывал: «Потому что князь — „главный герой“, он твоя „судьба“ и твой муж. Его можно простить. Раз он устроил себе „крематорий“, значит, все грехи отпущены».

Пэй Сюань был потрясен до глубины души.

Разумеется, «крематорий» продолжался. Фу Вэньчжоу снова и снова вставал на колени и извинялся — лишь на одно колено, чтобы сохранить достоинство. Он пару раз просил прощения, один раз постоял под дождем и одну ночь пролежал в лихорадке, выкликая имя возлюбленного — разумеется, весть об этом тут же донесли до юноши.

В конце концов он вопреки всем правилам провозгласил Пэй Сюаня своим супругом государя. Все были против, но он пошел наперекор небу ради своей страсти!

Жертва, словно марионетка, почувствовала прилив непонятной нежности. Его тошнило от самого себя. Он был вынужден поднять руку, коснуться ладони Фу Вэньчжоу и с улыбкой произнести: «Фу Вэньчжоу, я прощаю тебя».

Тот, сияя от счастья, прижал его к себе и пообещал: «А-Сюань, теперь у нас всё будет иначе. Я люблю тебя».

На этом история заканчивалась. Пэй Сюань хотел отдернуть руку, но не мог пошевелиться. Его обступили голоса:

«Огонь в „крематории“ горит ярко!»

«Но мне мало. Мог бы и подольше извиняться».

«Мало? Сам Император на коленях ползал — этого достаточно!»

«Сам „шоу“ его простил, это их личное дело, чего вы лезете?»

«Он просто не умел любить. Впереди целая жизнь, научит еще».

...

Голова Пэй Сюаня раскалывалась, но сон не отпускал. По велению голосов начались «послесловия». Праздничная церемония, монарх помогает ему надеть наряд, ласково просит называть его «мужем». У Фу Вэньчжоу рождаются дети от наложниц (он касается их только ради долга), он делает старшего наследником и после этого живет только ради своего «супруга».

Это называли «глубокой преданностью государя».

В конце они состарились вместе, всеми почитаемая пара. Молодые девушки шептались вокруг Пэй Сюаня, мечтая встретить такого же прекрасного мужа, а на лице Пэй Сюаня застыла улыбка довольства.

Юноша не выдержал. Он резко открыл глаза и согнулся в приступе тошноты.

Он проснулся. В комнате было темно, небо за окном давило своей тяжестью. Пэй Сюань сидел, низко опустив голову, взгляд его был мрачен, а тело сотрясала крупная дрожь. Он вцепился в край стола так, что на руках вздулись вены — казалось, он сейчас вырвет кусок дерева с корнем.

Что за мерзость?!

Только увидев на себе темно-синюю мантию чиновника, он пришел в себя. Студент бросился к углу и, схватив таз, зашелся в сухом кашле. Ночью он почти не ел, так что тошнить было нечем.

«Глубокая преданность государя».

— Кх... — его снова вывернуло.

«Почитаемая чета».

— Уф... — он едва дышал.

Его жизнь разрушена, единственный близкий человек замучен до смерти, лучший друг покончил с собой. Но преступник ведь целых два раза встал на колени! Целых два раза!

Пэй Сюаня колотило от отвращения. Что он сделал не так? В чем виновата его мать? Чем провинился Лю Ань? В чем вина лекарей, над которыми занесли меч, или женщин, запертых в гареме?

Пока он, обхватив таз, пытался справиться с тошнотой, в дверях появился стражник. Увидев состояние чиновника, он испуганно подбежал и принялся хлопать его по спине:

— Господин Пэй! Что с вами? Переутомились?

Стражник протянул ему платок и налил чаю:

— Глотните воды, господин.

Пэй Сюань немного успокоился, прополоскал рот и вытер губы.

— Зачем пришел?

— Да дело такое... — замялся стражник. — Тот изменник в камере... Я побоялся, что он задохнется с кляпом, и вынул его ненадолго. А он опять за свое. Да такие вещи говорит — слушать тошно...

— Говори.

— Сказал... что вы — его императрица. Что он — ваш муж. Требовал, чтобы вы шли к нему и вместе готовили новый мятеж...

Вспомнив сон, Пэй Сюань снова почувствовал подступившую к горлу желчь. Омерзительно!

Стражник погладил его по спине:

— Я ему сразу кляп вернул, но речи его больно чудные, вот я и решил доложить. Господин, если вам нездоровится, шли бы вы в постель?

Пэй Сюань сжал кулаки и медленно поднялся.

— Нет. Готовьте всё. Пошлите гонца к наставнику и старшему брату Лю.

Он посмотрел в темноту коридора ледяным взглядом.

— Я начинаю ночной допрос Фу Вэньчжоу!

<http://bllate.org/book/15820/1428433>